

ВАРИАНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СТАЦИОНАРНЫХ ЖИЛИЩ КОНЦА БРОНЗОВОГО – НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ТАЙГИ¹

© 2018 г. В.А. Борзунов

В статье представлены варианты графических реконструкций стационарных дерево-земляных жилищ, возводившихся рыбаками и охотниками западносибирской тайги в конце эпохи бронзы – раннем железном веке (XII в. до н. э. – III в. н. э.). В этот период продолжали сооружаться наземные постройки каркасно-столбовой конструкции с наземной частью в виде усеченной пирамиды, с наклонными стенами из жердей и тонких бревен, а также с неглубоким (0,2–0,4 м) прямоугольным котлованом, занимавшим основную часть помещения. Основание стен жилища устанавливалось не в песчаном котловане, обшитом деревом, а на небольшом (0,8–1,5 м) удалении от него. Тогда же появились аналогичные постройки без котлованов, жилища с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными столбами, а также дома со стенами срубной конструкции. Каждая постройка была окружена песчаной «завалинкой» и дренажными ямами-канавами. Обычные жилища имели площадь 30–70 м², а их высота от пола не превышала 2,5 м. Большие (200–650 м²) одиночные бревенчатые «укрепленные жилища» были защищены рвами и иногда – оборонительными стенами. Малые полуземлянки использовались в основном как хозяйственные объекты, крайне редко – как производственно-жилые помещения.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, тайга, конец эпохи бронзы, ранний железный век, жилища, графические реконструкции.

Введение. Два десятилетия назад вышло в свет обобщающее издание, посвященное древним, средневековым и традиционным современным жилищам народов Западной Сибири (Очерки культурогенеза..., 1994а; 1994б). К сожалению, в нем, как и во многих других работах по археологии севера Евразии, крайне мало графических реконструкций древних построек.

Объектом нашего анализа являются стационарные жилища финала эпохи бронзы – начала железного века таежного Приобья и верховьев р. Пур (XII в. до н. э. – III в. н. э.). Таковых

уральскими и сибирскими археологами выявлено и картографировано несколько тысяч, стационарно исследованы сотни. В данной работе приведены реконструированные жилые объекты (рис. 1–9) и некоторые их аналоги. Предмет анализа – новые и отчасти дискуссионные аспекты, связанные с изучением, интерпретацией и графической реконструкцией данных сооружений.

Для воссоздания облика древних жилищ помимо их археологических остатков были привлечены данные о средневековых постройках обских угров, отраженные в фольклоре,

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ тема № 33.7280.2017/БЧ «Урал и Западная Сибирь в древности».

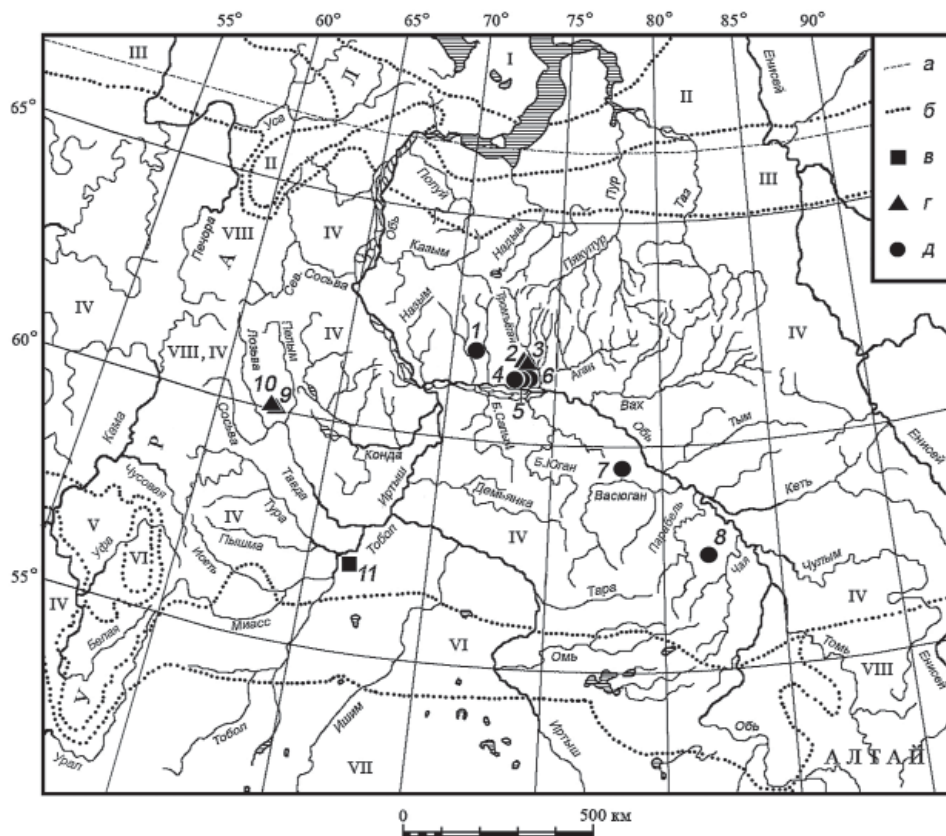


Рис. 1. Западная Сибирь. Карта таежных поселений конца бронзового – начала железного веков с графически реконструированными жилищами. 1 – Вачим 7; 2 – Моховая 20; 3 – Моховая 25; 4 – Барсова Гора III/36; 5 – Барсова Гора III/107; 6 – Барцевка III; 7 – Степановское (Степановка) I; 8 – Малгет 6; 9 – Туманское нижнее; 10 – Туманское верхнее; 11 – Карагай Аул I. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственные леса; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городище; г – укрепленное жилище; д – поселение.

Fig. 1. Western Siberia. Map of taiga settlements of the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age with graphically reconstructed dwellings. 1 – Vachim 7; 2 – Mokhovaya 20; 3 – Mokhovaya 25; 4 – Barsova Gora III / 36; 5 – Barsova Gora III/107; 6 – Bartsevka III; 7 – Stepanovskoye (Stepanovka) I; 8 – Malget 6; 9 – Tumanskoye Nizhneye; 10 – Tumanskoye Verkhneye; 11 – Karagai Aul I. Legend: а (a) – The Arctic Circle; б (b) – the boundaries of modern natural climatic zones (I – tundra, II – forest-tundra, III – woodlands, IV – taiga, V – broad-leaved forests, VI – forest-steppe, VII – steppe, VIII – mountainous areas); в (c) – ancient settlement; г (d) – the fortified dwelling; д (i) – settlement.

а также материалы по традиционным жилым сооружениям хантов и манси, собранным и обобщенным этнографами (исследования С.К. Патканова, М.Б. Шатилова, А.А. Попова, З.Н. Соколовой, Н.В. Лукиной, В.М. Кулем-

зина, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева и др.).

Локализация, внешний вид и сохранность остатков древних жилых объектов. Стационарные поселения западносибирской тайги располага-

лись на мысах, краях и в глубине коренных песчаных террас в окружении лесных массивов. Сыпучесть грунтов, а также специфика растительности и почв оказали существенное влияние на домостроительство коренных народов региона. Такие же природные факторы в совокупности с антропогенными сказались на различии традиций домостроительства, равно как на характере и сохранности остатков древних жилых объектов, в северной, центральной и южной тайге. Благодаря богатству строевого леса и преобладанию хвойных пород деревьев все долговременные и сезонные стационарные постройки в тайге были дерево-земляными. Основным строительным материалом у аборигенов Сибири являлась сосна, вспомогательным – лиственные породы деревьев. Для сооружения перекрытий жилищ помимо сосновых и иных жердей использовались полотнища бересты, дерн и его заменитель – пласты лесной подстилки, мхи, насыпные песчаные грунты.

В настоящее время остатки древних жилых объектов в западносибирской тайге на поверхности имеют вид обычных впадин, впадин с обваловкой, а также приподнятых площадок с углублением в центре или без такового, окруженных канавами или цепочкой ям.

Особый «промывной режим» песчаных террас предопределил практически нулевой прирост почв в северных и центральных районах тайги, а также изменение состава и цветности верхних горизонтов песков. Вследствие этого остатки древних жилищ до сих пор прекрасно фиксируются в рельефе. В то время как почвенные, культурные и материковые слои на месте жилых объектов трансформи-

ровались довольно существенно. На южной кромке тайги и в западносибирской лесостепи преобладают смешанные хвойно-лиственные леса и березовые рощи. Лиственный опад, травяной покров и продукты гниения от упавших деревьев благоприятствовали развитию здесь плотных темно-серых (черных) подзолов, покрытых мощным слоем дерна. В этих условиях древние культурные слои и археологические объекты долгое время были надежно защищены (законсервированы) естественным образом.

Антропогенный фактор в западносибирской тайге и лесостепи также проявился по-разному. В северных и центральных районах таежного Приобья благодаря малой плотности населения и бережному отношению коренного населения к памятникам своей культуры остатки древних поселений вплоть до 1960-х гг. сохранялись практически в первозданном виде. Их активное разрушение началось с освоением нефте-газовых богатств Сибири. В западносибирской лесостепи и на южной кромке леса в результате активной хозяйственной, производственной и бытовой деятельности пришельцев из-за Урала многие древние поселения были «сnivelированы» уже в XVII – начале XX в. Жилые археологические объекты на этих территориях утратили многие детали и сейчас большей частью выглядят как заплывшие впадины без обваловки или же сильно деформированные уплотненные площадки с мелкими ямами по периметру. Это существенно усложняет изучение и реконструкцию древних поселков.

Варианты реконструкции древних стационарных построек. Финал эпохи бронзы (X–VIII вв. до н. э.). Помимо

общего прогресса в развитии экономики аборигенных обществ и более широкого распространения медных и бронзовых орудий труда, основными чертами рассматриваемого хронологического интервала, оказавшими прямое или косвенное влияние на местное домостроительство, являются массовые миграции лесного населения на юг. Они начались в Нижнем Приобье, Сургутском Приобье, бассейне Конды, в обществах рыболовов-охотников с гребенчато-ямочной и фигурно-штампованной керамикой и достигли лесостепи, где проживали скотоводы-охотники-рыболовы межовско-ирменского культурно-хронологического пласта. Это привело к формированию ряда гетерогенных этнокультурных образований, в том числе на юге Западной Сибири – с хозяйством комплексного (присваивающего и производящего) типа. Предпосылкой переселений стало очередное похолодание и увлажнение климата на севере Евразии (Борзунов, 1992, с. 134–135, 139–140).

В это время на севере Западной Сибири продолжали развиваться все основные разновидности стационарных поселков начала бронзового века: большие одиночные неукрепленные дома, так называемые «укрепленные жилища», окруженные рвами, и селища с жилыми и производственно-жилыми постройками обычных размеров.

В Сургутском Приобье круглогодичные и сезонные зимние поселки населения местной барсовской и пришло-атлымской культур возводились на краях и в глубине коренных речных песчаных террас (Очерки культурогенеза..., 1994а, с. 182–190, рис. 10; Чемякин, 2008, с. 49–50, 53–55, рис. 34;

36: А; 39; 40: 1, 2). Источниками воды для обитателей тайги в летнее время служили реки, протоки и ручьи, в зимнее время – в основном снег.

Жилища были малых, средних (20–90 м²) и больших размеров (130–250 м²), каркасно-столбовой конструкции с наземной частью в виде усеченной пирамиды, сконструированной из жердей и бревен, а также с короткими крытыми коридорообразными входами. В плане дома прямоугольные и квадратные, в том числе с закругленными углами. Крыши построек, скорее всего, были невысокие двускатные, как исключение – односкатные. Высота от пола до перекрытия была, вероятно, порядка 2–2,5 м. Потолки в постройках эпохи первобытности, скорее всего, отсутствовали, как и в современных традиционных домах обских угров. Теплый воздух от костров поднимался прямо к потолку. Это предотвращало накопление большой массы снега на крышах и обеспечивало устойчивость всей постройки в зимнее время. Для выхода дыма наружу и освещения помещения в крышах оставлялись специальные квадратные отверстия или узкие щели, закрывавшиеся специальными крышками. Последние конструировались из жердей и берестяных полотнищ. Стены домов были наклонные (под углом около 70°) и, возможно, такой же высоты, как в начале эпохи бронзы. В основании они были окружены песчаными завалинками и внешними ямами – для забора грунта и последующего дренажа. Завалинка предназначалась для придания устойчивости стенам и более эффективного удержания тепла в жилище. Котлованы занимали основную часть помещения, но не все пространство жи-

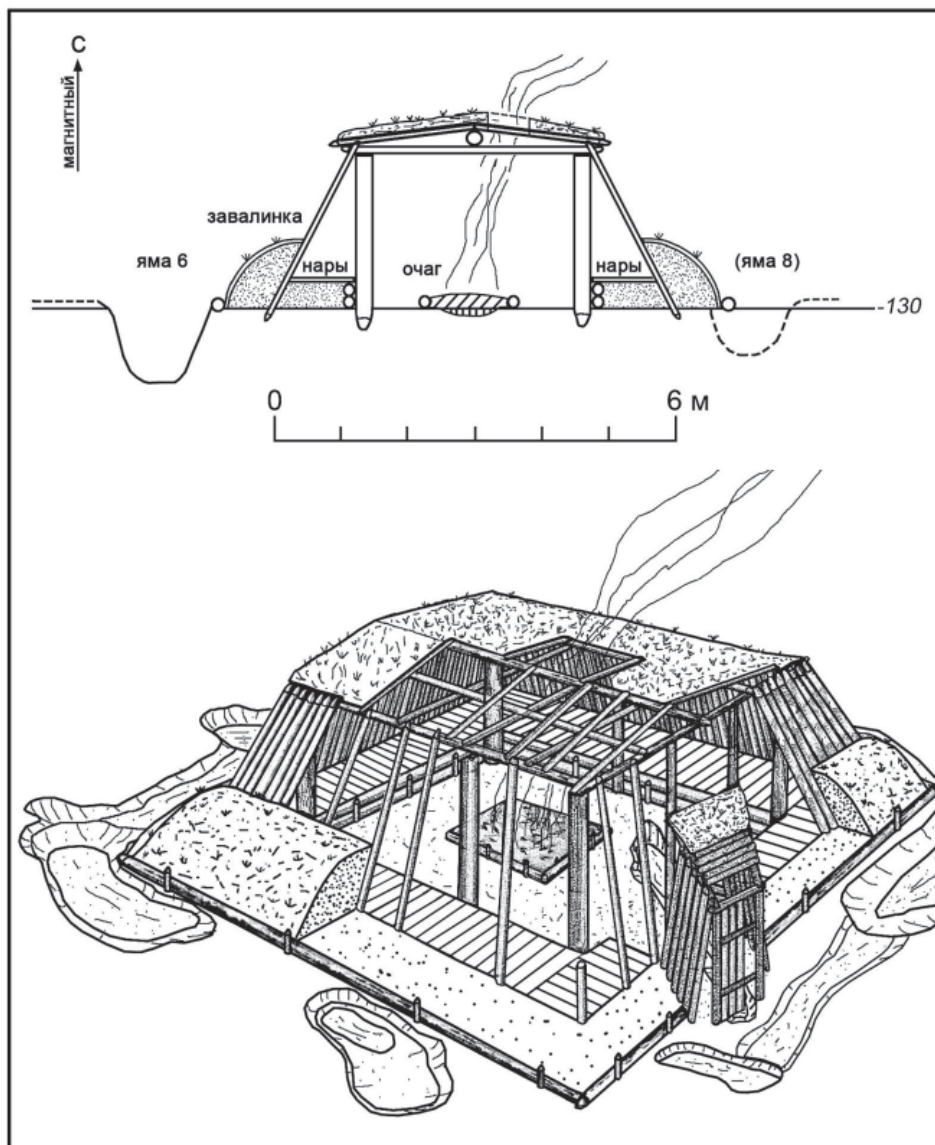


Рис. 2. Поселение Барцевка III, жилище 1. Сургутское Приобье, р. Барцевка. Поздняя бронза (барсовская культура). Раскопки и реконструкция В.А. Борзунова 2006 г.

Fig. 2. Settlement Bartsevka III, dwelling 1. Surgut Current of the Ob' River Basin, Bartsevka river. Late Bronze Age (the Barsova culture). Excavations and reconstruction of V.A. Borzunov, 2006/

лица. Они были мелкие (20–30 см), в плане квадратные и прямоугольные. Их песчаные стенки были укреплены бревнами, уложенными в один-два венца. По краям («заплечикам») каждого котлована располагались дерево-земляные нары. В центре помещения

обычно находился наземный или слабо углубленный или углубленный очаг. Вместе с тем часть стационарных зимних построек сооружалась уже без углубления в грунт, о чем свидетельствуют остатки погребенной почвы под очагами и насыпной основой их нары. Таков жилой

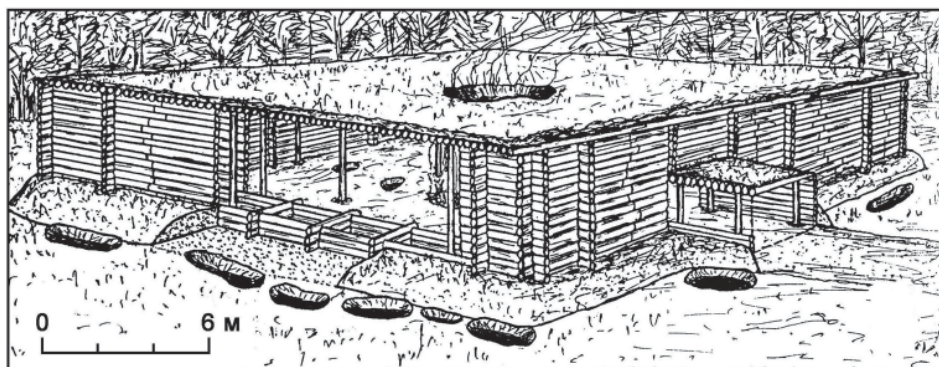


Рис. 3. Поселение Барсова Гора III, объект 107. Сургутское Приобье, р. Обь, протока Утопная. Поздняя бронза (атлымская культура). Раскопки М. В. Елькиной 1974 г. Реконструкция В. А. Борзунова (по: Борзунов, 1999, рис. 10).

Fig. 3. Settlement Barsova Gora III, object 107. Surgut Current of the Ob' River Basin, Ob' River, the duct of the Utoplaya. Late Bronze Age (the Atlym culture). Excavations by M.V. El'kina, 1974. Reconstruction of V.A. Borzunov (on: Borzunov, 1999, figure 10).

объект № 1 селища Барцевка III барсовской культуры, раскопанный на Барсовой горе у западной окраины г. Сургута (Борзунов, Чемякин, Фефилова, 2007) (рис. 2). В том же урочище выявлена полуземлянка с подпрямоугольным котлованом (5×4×0,4 м) и коротким наружным коридорообразным входом (селище Барсова Гора II/1a).

Наряду с преобладающим типом каркасно-столбовых сооружений в конце эпохи бронзы в западносибирской тайге стали возводиться дома с вертикальными самонесущими бревенчатыми стенами. Таким, по-видимому, был большой (20×14 м) одиночный жилой зимний объект атлымской культуры Барсова Гора III/107, расположенный в лесу, в глубине высокой обской террасы. Остатки обугленных бревен и жердей, расчищенных в заполнении расплывшейся обваловки этого дома, позволяют предположить, что его стены были вертикальными бревенчатыми двухрядными, шириной до 2 м. Последние перегородками были разбиты на клетки, заполненные в основании

песком. Стены крепились вертикально вкопанными кольями, от которых сохранились ямки. Вместе с тем не исключен и срубный вариант дома. Перекрытие из жердей и лаг опиралось на стены и установленные в помещении столбы. Первоначально мы предполагали плоскую конструкцию перекрытия (рис. 3). Между тем более устойчивой будет традиционная невысокая двускатная хантыйская крыша, которая может выдержать тяжесть снега зимой. Вход мог быть двух вариантов: в виде наружного крытого коридора (хантыйский «тебий» – «сени») либо внутреннего тамбура, как у Туманского укрепленного жилища. Помещение обогревалось большим слабо углубленным подпрямоугольным очагом, вероятно, окартунным деревянной рамой. Снаружи дом был окружен невысокой (0,5–1 м) песчаной завалинкой и дренажными ямами (Очерки культурогенеза..., 1994а, с. 184, рис. 9: 2; Борзунов, 1999, рис. 10; Чемякин, 2008, с. 54, рис. 40: 3).

В X–VIII вв. до н. э. на основе мигрировавших на юг лозьвинских

общин бассейна Конды и атлымских групп Нижнего Приобья в бассейнах Пелыма, Лозьвы, Сосьвы и верховьях Тавды сформировался новый гетерогенный этнос с керамикой вагильского типа – северный вариант гамаюнской культуры (Борзунов, 1990, с. 17–22; 1992, с. 90–91, 134–135, 139–141). С новым населением появились большие окруженные рвами «укрепленные жилища» – Туманские нижнее и верхнее, Оськинское I, Усть-Вагильское, Капочское, Илюшинское IV, возможно, Фунтусовское, Дулковка I и II. В VIII–VI вв. до н. э. в результате миграции носителей гамаюнской культуры на юг новые разновидности этих миниатюрных дерево-земляных «крепостей» получили распространение в горно-лесном Зауралье (Шайдурихинское, Мелкое озеро, Палкинское, Иткуль 26, Иртышское VII, Багаряжское Ближнее, возможно, Катайское I и др.) (Борзунов, 1992, с. 44, 141, рис. 3; 4; 5: 1–4, 8; 1999, с. 7–8, 21, рис. 1–4).

Раскопки на Большом Туманском озере двухслойного памятника с прекрасно сохранившимися остатками сгоревших конструкций, столбовыми ямками, а также кусками обожженной глинобитной обмазки, замешанной на рубленой соломе и с характерными отпечатками бревен (Липский, Борзунов, 1984; Борзунов, 1999, рис. 3; 4) позволили реконструировать общий облик двух объектов – Туманских нижнего и верхнего жилищ (Борзунов, 1990, рис. 4; 1992, с. 37, рис. 4). Следует подчеркнуть, что это древнейшие в западносибирской тайге исследованные дома с *бесспорно* самонесущими бревенчатыми (возможно, даже срубными) стенами. Причем стенами двухрядными, шириной от

0,5 до 1,4 м, разгороженными на прямоугольные клетки и с грунтовой забутовкой в основании.

Жилища построены на песчаном холме у края двухметровой озерной террасы. Нижнее – прямоугольное (13,6×9 м) – разделено бревенчатой перегородкой на две разновеликие камеры – проходную и жилую. В жилом помещении вдоль стен зафиксированы остатки деревянных нар, в центре – чашевидный очаг, между ними – хозяйственные ямы. Верхнее жилище, возведенное на руинах первого, в плане квадратное (16,5×16,5 м) однокамерное, с прямоугольным котлованом в центре (8×6,8×0,7 м). В помещении расчищены очаги, хозяйственные ямы, углубления от столбов и какие-то сгоревшие деревянные конструкции. «Заплечики» котлована, шириной 1,5–2 м, покрытые деревом, использовались в качестве нар. Входы у ранней и поздней построек были оформлены в виде внутренних коридоров (5×1,5 и 4,2×1,7 м). Полы в помещениях ровные, горизонтальные, глинистые, вероятно, имели деревянный настил.

Первый вариант реконструкции Туманских домов с односкатной бревенчатой крышей (рис. 4: А) считаю менее вероятным. Скорее всего, как в случае с жилищем № 1 поселения Барцевка III и объектом Барсова Гора III/107, перекрытие туманских построек было невысокое двускатное из жердей, покрытое берестой и грунтом (рис. 4: Б). По общему облику оно, по-видимому, было близко крышам традиционных домов обских угров, сооружаемым сейчас из пиленых досок и колотых плах (рис. 10). Впрочем, односкатные и плоские горизонтальные конструкции также встречаются

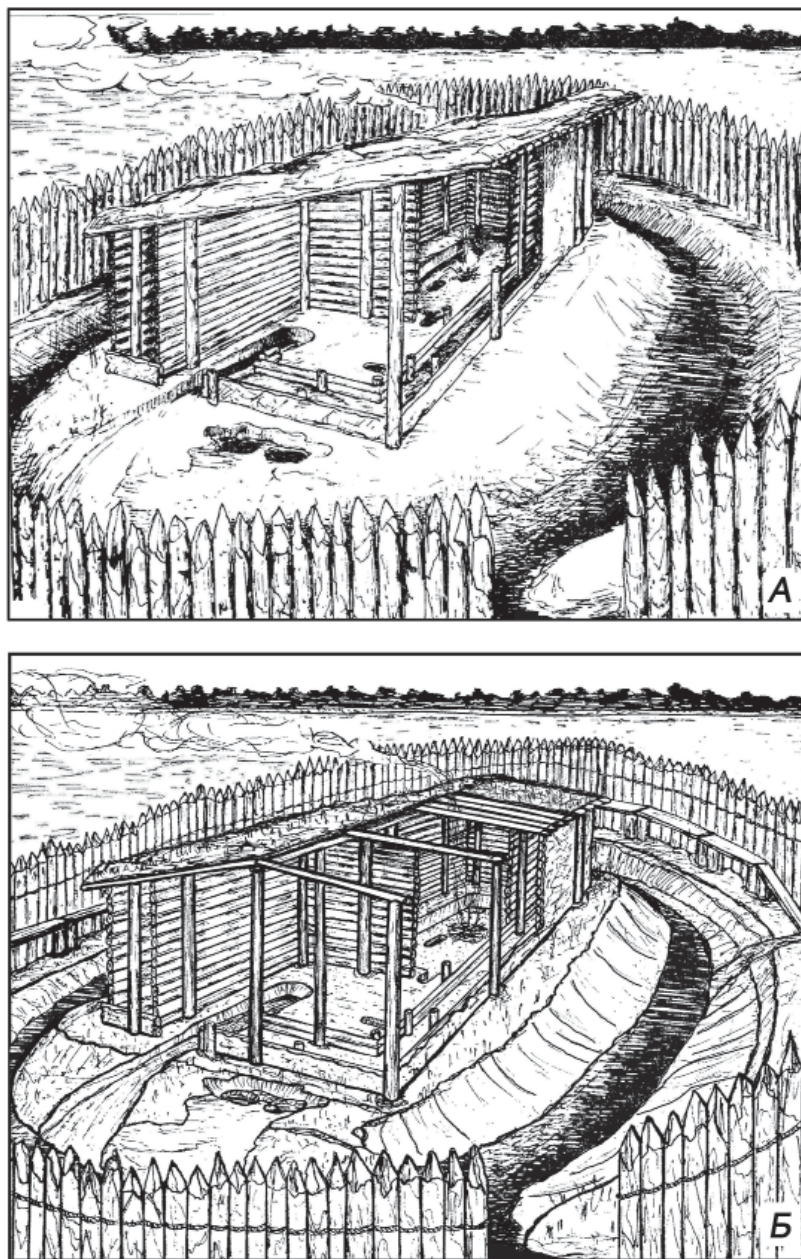


Рис. 4. Укрепленное жилище Туманское нижнее. Бассейн р. Тавды, междуречье Пелыма, Лозьвы и Сосьвы, оз. Большой Вагильский Туман. Конец эпохи бронзы (вагильский тип гамаюнской культуры). Раскопки В. Д. Викторовой 1963 г., В. И. Липского 1963, 1966 гг. Реконструкция В. А. Борзунова: А – первый вариант (в основе: Борзунов, 1990, рис. 4: Б; 1992, рис. 4: Б); Б – последний вариант.

Fig. 4. The fortified dwelling of the Tumanskoye Nizhneye. Tavda River basin, the interfluvium of Pelym, Loz'va and Sos'va Rivers, the Bol'shoy Vagil'skiy Tuman Lake. End of the Bronze Age (the Vagil' type of the Gamayun culture). Excavations by V.D. Victorova, 1963, V.I. Lipsky, 1963, 1966. Reconstruction of V.A. Borzunov: A – the first variant (at the base: Borzunov, 1990, figure 4: B; 1992, figure 4: B); B – the last variant.

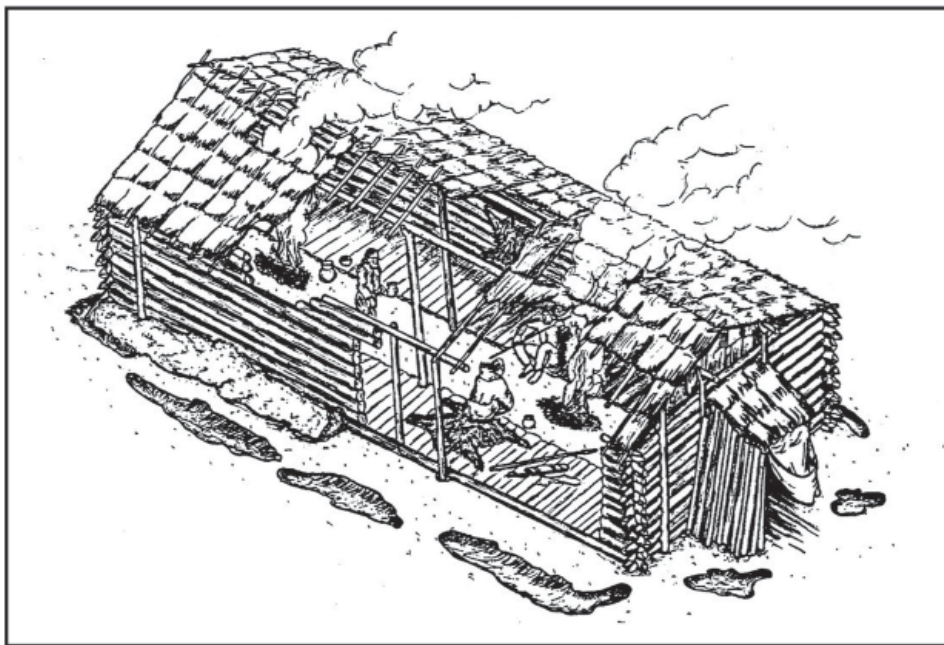


Рис. 5. Поселение Вачим 7, жилище IV. Сургутское Приобье, бассейн Пима, р. Вачим. Первая половина раннего железного века (белоярская культура). Раскопки В.М. Морозова 1995 г. Реконструкция В.М. Морозова и А.А. Ковригина (по: Морозов, Чемякин, 1997, рис. 17; Чемякин, 2006, рис. 50: 1).

Fig. 5. Settlement Vachim 7, dwelling IV. Surgut Current of the Ob' River Basin, the Pim River basin, Vachim River. The first half of the Early Iron Age (the Beloyarskaya culture). Excavations by V.M. Morozov, 1995. Reconstruction of V.M. Morozov and A.A. Kovrigin (on: Morozov, Chemjakin, 1997, figure 17; Chemjakin, 2006, figure 50: 1).

ся у стационарных жилищ хантов и манси – зимних и летних «деревянных юрт» («кат», «хот», «хат») (Шатилов, 1931, с. 39–46, фотографии; Очерки культурогенеза..., 1994б, с. 34–35, рис. 57; 60: 1, 2, 4, 7, 8).

Первая половина раннего железного века (VIII/VII–IV/III вв. до н. э.). Первые изделия из железа в горно-лесном Зауралье появляются в V–IV вв. до н. э., в лесостепи и на юге лесной зоны Западной Сибири – в IV–III вв. до н. э., в средней и северной тайге – в последние века до н. э. и первые века н. э. Вследствие этого на большей части северных территорий Сибири означенный выше период, с

точки зрения орудийного комплекса, являлся продолжением эпохи бронзы, а на южных границах – рубежом бронзового и железного веков (Борзунов, Чемякин, 2006, с. 68–69).

На севере таежного Приобья данный период представлен культурами охотников-рыболовов-собирателей белоярско-васюганского этапа.

В Сургутском Приобье многочисленные стационарные постройки на городищах и селищах продолжают развивать стандарты бронзового века, в том числе наземных каркасно-столбовых жилищ с наклонными стенами и бревенчатых с вертикальными самонесущими конструкциями (Очерки

культурогенеза..., 1994а, с. 279–283; Чемякин, 2008, с. 67–68).

Графически воссоздан второй тип домов. Он был выполнен по материалам раскопок объекта IV селища Вачим 7, расположенного на р. Пим (рис. 5: 1). Поселок принадлежал носителям гетерогенной белоярской культуры, наследовавшей местную барсовскую и пришлую нижнеобскую атлымскую (Морозов, Чемякин, 1977, с. 25–50, рис. 7–10; 17; Чемякин, 2008, рис. 50: 1). На поверхности руины жилища представляли собой слегка приподнятую песчаную прямоугольную площадку, окруженную валообразной насыпью шириной 1,7–2,2 м, высотой 10–20 см. Внутри насыпи, вдоль длинной оси объекта, были видны два холмика от очагов. Снаружи обваловки прослеживалась цепочка из 9 дренажных ям. Размер внутренней части объекта – 11,6×5,2 м, вместе с обваловкой – 14,6×8 м, с внешними дренажными ямами – 20×12 м. В насыпи зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций в виде полосы желто-серой углистой супеси шириной 1–1,8 м, оконтуривавшей котлован жилища, а также коротких углистых полос – от обугленных плашек. Вдоль длинных стен и внутри объекта расчищены ямы от массивных вертикальных несущих столбов. С конструкцией северного выхода-входа связаны мелкие углубления. В плане он имел вид короткого полуовального выступа (1,5–1,7×1,8–2 м).

Реконструированное наземное жилище в плане вытянутое прямоугольное (около 13,8×6,5 м) с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными вертикальными столбами. Центральная часть постройки, размерами 12×5 м (60 м²), отстоявшая

от стен на 0,4–0,7 м, была углублена на 7–20 см. Невысокая двухскатная крыша опиралась на ряды столбов, установленных внутри дома, а также на стены. Перекрытие представляло собой систему лаг, покрытых жердыми, полотнощами бересты, гумусом и мхом. Возвышенная часть помещения, дополненная деревянным настилом, использовалась в качестве нар. В углубленной части на удалении 5,6 м друг от друга располагались два овальных очага-кострища, насыщенные угольками, пережженными косточками и мелкими фрагментами керамики. К торцовым стенам жилища пристроены два крытых входа с углубленными полами.

В Нарымском Приобье существовали укрепления и селища, основанные таежными охотниками и рыболовами с керамикой васюганского типа (по Л.А. Чиндиной – васюганского этапа кулайской культуры). Графически реконструированная постройка отнесена к каркасно-столбовым сооружениям и выполнена на основании анализа остатков раскопанного жилища № 2 Степановского I селища в бассейне р. Васюган. Близкие по облику жилые объекты раскопаны на соседних Степановском городище и Степановских I–IV поселениях (Чиндина, 1984, с. 15–20, 181–192, табл. I, рис. 2; 4–6).

Вместе с тем такой вариант реконструкции каркасно-столбовой постройки (рис. 6: 2а) представляется нам крайне спорным и на практике нереальным.

Жилища в рельефе выглядели как обычные «западины», расположенные на поверхности коренных песчаных террас, грив и мысов. В редких случаях (Степановское городище) вокруг углу-

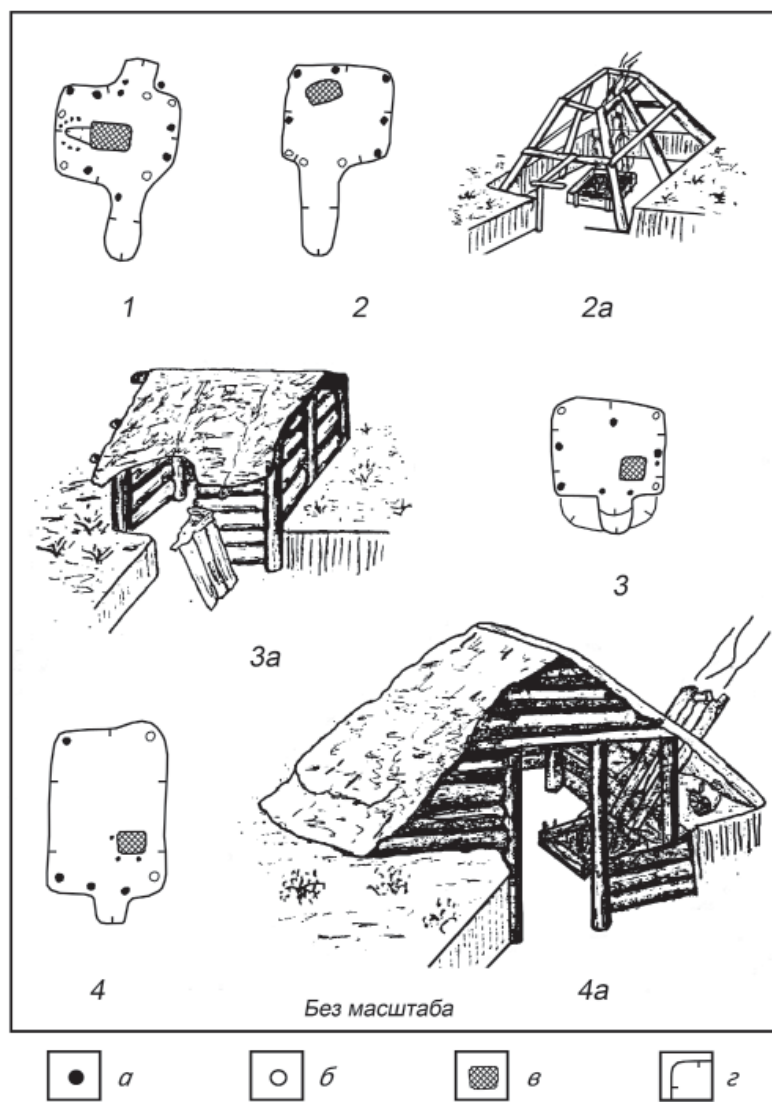


Рис. 6. Поселение Степановское I, жилища 4 (1), 2 (2; 2a). Нарымское Приобье, бассейн р. Васюган, р. Лемпа (протока Степановская). Первая половина раннего железного века (васюганский этап кулайской культуры – по Л. А. Чиндиной). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1971 г., Л. А. Чиндиной 1973, 1978, 1979 гг. Поселение Малгет 6, жилища 54 (3; 3a) и 10А (4; 4a). Нарымское Приобье, долина Оби, р. Шуделька, оз. Малгет (Шапочное). Вторая половина раннего железного века (саровский этап кулайской культуры – по Л. А. Чиндиной). Раскопки и реконструкции Л. А. Чиндиной 1965–1985 гг. (по: Чиндина, 1984, рис. 6).

Fig. 6. Settlement Stepanovskoe I, dwellings 4 (1), 2 (2; 2a). Narym Current of the Ob' River basin, Vasyugan River and Lempa River (the duck of Stepanovskaya). The first half of the Early Iron Age (Vasyugan stage of the Kulaika culture – according to L.A. Chindina). Excavations by Yu.F. Kiryushin, 1971, L.A. Chindina, 1973, 1978, 1979. The settlement of Malget 6, dwellings 54 (3; 3a) and 10A (4; 4a). Narym Ob River basin, Ob River valley, Shudelka River, Malget Lake (the Shapochnoye Lake). The second half of the Early Iron Age (the Sarovka stage of the Kulayka culture – by L.A. Chindina). Excavations and reconstruction of L.A. Chindina, 1965–1985 (on: Chindina, 1984, figure 6)..

блений прослеживались обваловки – остатки завалинок и осыпавшихся стен, а также ямы для забора грунта. В процессе раскопок под каждой из жилищных впадин были расчищены подквадратные или подпрямоугольные углубления-котлованы площадью от 8 до 50 м² с одним или двумя выступами-выходами с одной либо двух торцовых сторон. Внутри котлованов на небольшом удалении от их стенок прослеживались ямки от столбов, в заполнении – следы обугленных конструкций (от перекрытия и стен построек), в центре помещений – остатки наземных очагов. По сведениям автора раскопок, жилища «полуназемные», углублены «в землю» не более 0,7 м, при этом «котлован рыли до плотных материковых слоев, глубоко не входя (в среднем 20 см), по-видимому, до уровня промерзания грунта, чтобы пол был теплым» (Чиндина, 1984, с. 17).

Жилище № 2 имело котлован размерами 3,6×3 м, глубиной 0,6 м (в том числе в материке – 0,2 м) и длинный углубленный вход (3×1,5 м). При этом размеры всех жилищ якобы лимитировались границами их котлованов. В частности, у реконструированной постройки № 2 каркас из жердей имел вид усеченной пирамиды, опиравшейся основанием в дно котлована прямо у его стенок. Угол наклона стен – порядка 45°. Каркас закрывался жердями, берестой и сосновой корой, стены присыпались «землей». В центре помещения находился очаг, забранный в квадратный сруб или в укрепленный колышками жердяной каркас. В жилище вел широкий крытый коридорообразный вход. При раскопках на земляных стенках коридора зафиксированы остатки древесного тлена. У

других построек полы входов были ступенчатыми.

Вместе с тем авторы раскопок не упоминают о деревянных нарах и специальном покрытии полов у данного и других жилищ этого периода. Создается впечатление, что люди стояли и спали прямо на песчаном полу. Кроме того, непонятно, как были укреплены изображенные на рисунке стенки песчаного котлована и зачем вообще было нужно углубление таких размеров и глубины. А главное: если бы наклонные стены жилища были поставлены в котлован, то после сильных ливней и при таянии снега обитатели дома периодически оказывались в воде. С таким же успехом жилище можно было поставить в открытый плавательный бассейн, наивно полагая, что его никогда не затопит. На наш взгляд, охарактеризованный выше каркас из жердей был несколько больше укрепленного деревом котлована, а основание данной усеченно-пирамидальной конструкции было установлено на некотором удалении от углубления. Подобные жилища были распространены в западных областях таежного Приобья.

Т.Н. Троицкая и Л.А. Чиндина предполагали наличие второго типа жилых васюганских построек, также не выходящих за пределы котлована. В этом варианте «несущие конструкции примыкали плотно к стенкам котлована. Стены, по-видимому, забирались бревнами в паз опорных столбов и выводились на необходимую высоту над котлованом вертикально. В Нарымском Приобье такой тип жилищ встречается на Степановских поселениях I, II, IV, Тух-Сигате VII» (Чиндина, 1986, с. 18). Для этого типа сооружений, как и предыдущего, была

характерна присыпка стен «землей». Такая реконструкция построек вполне допустима, но, на наш взгляд, в основном для небольших помещений. Отчасти она согласуется с известным свидетельством С.К. Патканова о традиционных землянках – «земляных домах» («мыг-хот») – обских угров, отличных от их «деревянных домов» («хот», «хат») (1891, с. 31).

В Нижнем Приоболье рубеж бронзового и железного веков отмечен распространением особой симбиозной культуры с хозяйством комплексного типа (рыболовство, охота, собирательство, разведение и содержание домашнего скота, домашние производства). Ее первооткрыватели определили данное образование как «восточный вариант иткульской культуры», датировали VIII–VI вв. до н. э. и выделили в нем три этапа: иткульский, карагай-аульский и вак-куровский (Зими́на, Зах, 2009). Между тем по всем характеристикам (укрепления, жилища, орудия труда, керамика, система хозяйства, уровень металлообработки, культурные контакты, происхождение, исторические судьбы и прочее) данное образование принципиально отличается от иткульской культуры металлургов горно-лесного Зауралья VII–III вв. до н. э. В этой связи мы склонны его определять в качестве самостоятельной юртоборской культуры (Борзунов, 2014). Последняя сформировалась на основе местных общин бархатовской культуры межевско-ирменского культурно-хронологического пласта при участии разнообразного пришлого населения, в том числе гамаюнского и исетского («гамаюно-бархатовского», «гамаюно-иткульского») с запада – из лесного Зауралья, сузгунских групп

поздней бронзы – из низовий Тобола, населения начала железного века с гребенчато-ямочной керамикой с севера – из западных областей таежного Приобья (белоярская, кульминская и другие культуры), а также носителей керамики журавлевского и баитовского типов с северо-востока – из южно-таежного Прииртышья и Приишимья. Как уже упоминалось, основной предпосылкой изменения этно-культурной карты Западной Сибири стало резкое ухудшение климата в начале I тыс. н. э., повлекшее массовое переселение части таежного сибирского населения на юг региона и соседние территории.

Ярким свидетельством этих миграций является распространение на южной кромке тайги и в лесостепи Тоболо-Иртышья типично северных жилищ. На городищах и селищах юртоборской культуры их зафиксированы сотни. Данные постройки, даже по внешним остаткам, резко отличаются от предшествующих притобольских и синхронных зауральских жилищ. Их руины представлены невысокими овальными и подпрямоугольными песчаными площадками, иногда с углублениями в центре, а также с канавками и ямами-карьерами по периметру возвышений. Судя по пространственному распределению таких объектов, исходным центром такого домостроительства являлись Сургутское Приобье и соседние районы таежного Обь-Иртышья, заселенные белоярскими и близкими им общинами.

Художником и судомоделистом А.С. Кухтериным реконструировано одно типичное жилище с керамикой карагай-аульского типа – сооружение I городища Карагай Аул 1, площадка А (рис. 7). Участие авторов раскопок в воссоздании общего облика дан-

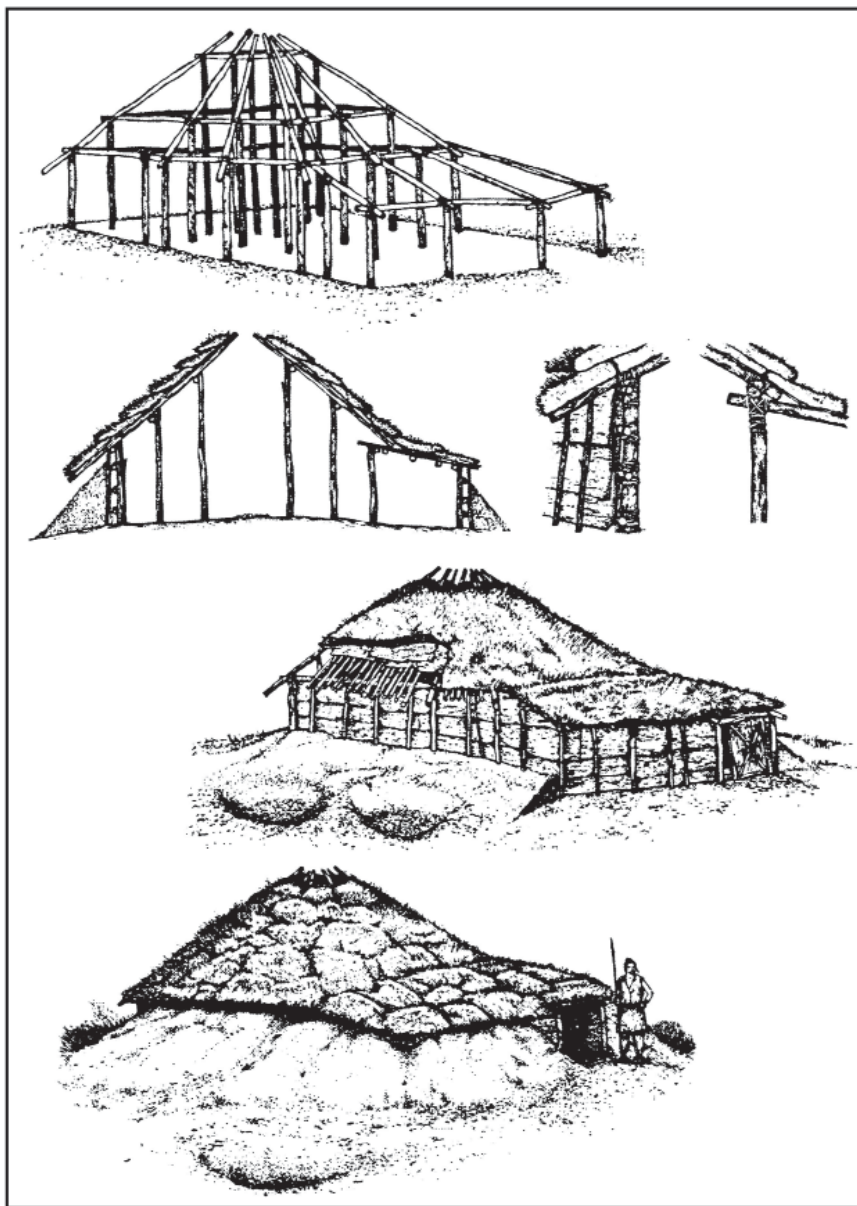


Рис. 7. Городище Карагай Аул 1, площадка А, сооружение 1. Тюменское Притоболье, рр. Тобол и Тап. Рубеж бронзового и железного веков или первая половина раннего железного века (карагай-аульский этап восточного локального варианта иткульской культуры – по О. Ю. Зиминной и В. А. Заху; карагай-аульский этап юртоборской культуры – по В. А. Борзунову). Раскопки В. А. Заха 1991 г. Рисунок А. С. Кухтерина (по: Зимина, Зах, 2009, рис. 106).

Fig. 7. Ancient fortified settlement of Karagai Aul 1, area A, construction 1. Tyumen Current of the Tobol River basin, Tobol and Tap Rivers. The boundary of the Bronze and Iron Ages or the first half of the Early Iron Age (the Karagai-Aul stage of the eastern local variant of the Itkul' culture – according to O.Yu. Zimina and V.A. Zakh, the Karagai-Aul stage of the Yurtobor culture – according to V.A. Borzunov). Excavations by V.A. Zakh, 1991. Drawing by A.S. Kukhterin (on: Zimina, Zakh, 2009, figure 106).

ного объекта не оговорено и соответствующего описания его ими не представлено (см.: Зимина, Зах, 2009, с. 51, 61–62, рис. 31; 33; 106). Судя по рисунку, постройка наземная, не углубленная в грунт, с вертикальными стенами. Она состояла из основного квадратного помещения под высокой четырехскатной крышей со светодымовым отверстием в центре и меньшего прямоугольного предвходового пространства с односкатной крышей (сени?). Перекрытие дома представляло собой систему лаг, покрытых жердями, берестой и пластами дерна. Возможно, берестяные полотнища использовались и при сооружении стен. Опорой перекрытия и стен являлись установленные в несколько рядов вертикальные колья и тонкие столбы. Снаружи стены были доверху засыпаны песком, взятым из ям-карьеров. Вход в жилище, высотой около 1 м, находился на углу предполагаемых «сений» и закрыт приставной квадратной дверью. Внешне такое сооружение напоминало высокий земляной холм.

Теоретически данное жилище должно было воспроизводить типичные для севера Западной Сибири наземные строения, охарактеризованные выше, но никак не «земляные холмы».

Небольшие и средних размеров постройки в виде низких земляных холмов были характерны для более ранних эпох и углубленных жилищ – таежных землянок неолита и энеолита. К концу бронзового – началу железного века дома охотников-рыболовов в Сургутском и Нижнем Приобье практически полностью «вышли на поверхность». Вряд ли у мигрантов с севера, проживавших в более ком-

фортных климатических условиях в Притоболье, на южной кромке тайги, вдруг возникла острая необходимость снова закрывать свои жилища до макушки песком и дерном. Кроме того, руины наземного объекта, нарисованного А.С. Кухтериным, должны были выглядеть, как курган, а не уплощенная площадка. Не исключено, что такой вариант жилища является просто стандартом, сложившимся у А.С. Кухтерина. Художник никогда не проводил раскопок на севере Западной Сибири, также как археологи О.Ю. Зимина и В.А. Зах. Единственными реконструированными до этого А.С. Кухтериным постройками были укрепленные «княжеские» резиденции остяков и самоедов XVI – начала XVIII в. (Полуйский мысовой и Надымский городки, городище Монкысь-Урий), действительно имевшие вид «земляных холмов».

Вторая половина раннего железного века (IV/III вв. до н. э. – III/IV вв. н. э.). Основными чертами этого периода на севере Западной Сибири являются образование кулайской культурно-исторической общности, переход к массовому производству изделий из бронзы, появление оружия и орудий труда из черного металла, усиление роли пушной охоты в общей системе хозяйства аборигенов края, проникновение в таежное Приобье большого количества импортных вещей из Волго-Камья, Средней Азии, Причерноморья, Передней Азии, Египта и Китая, как следствие, – начавшаяся социальная дифференциация внутри таежных коллективов и зарождение культа воина. Предпосылками этих явлений стала более благоприятная климатическая обстановка, а главное – включение обществ Севера Евразии в

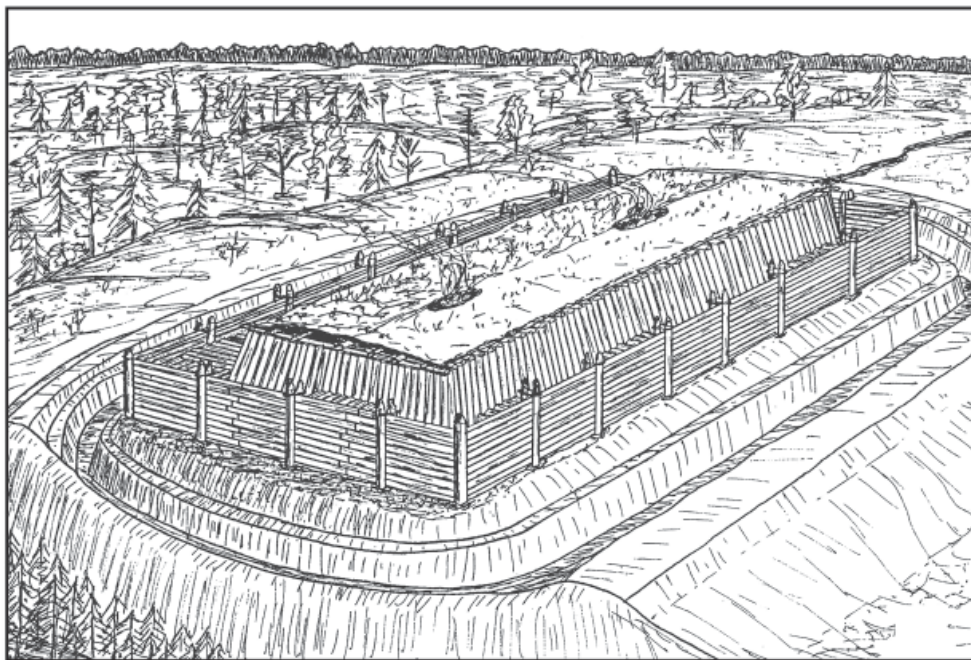


Рис. 8. Каркасно-столбовой вариант укрепленных жилищ второго типа таежного Приобья. Собираательный образ по материалам археологических исследований, фольклорным и этнографическим данным. Реконструкция В. А. Борзунова. В основе: топография укрепленного жилища Быстрый Кульёган 38, эпоха бронзы (кульёганский тип), съемка В. А. Борзунова 2000 г.; городищ Моховая 20 и 25, вторая половина раннего железного века (сургутский вариант кулайской КИО), съемка В. А. Борзунова 1994 г. (по: Борзунов, 1999, рис. 9).

Fig. 8. Frame-column variant of fortified dwellings of the second type of the taiga zone of the Ob' River basin. Collective image on the basis of archaeological research, folklore and ethnographic data. Reconstruction of V.A. Borzunov. At the core: the topography of the fortified dwelling Bystryi Kul'egan 38, the Bronze Age (the Kul'egan type), the shooting of V.A. Borzunov, 2000; ancient fortified settlements of Mokhovaya 20 and 25, the second half of the Early Iron Age (Surgut variant of the Kulaika cultural-historical community), the shooting of V.A. Borzunov, 1994 (according to: Borzunov, 1999, figure 9).

систему континентальной экономики на правах периферийных партнеров и поставщиков ценной сибирской пушны. Проявлением последнего является формирование со II в. до н. э. северных («пушных») ответвлений Великого трансконтинентального шелкового пути (Борзунов, Чемякин, 2006, с. 69–76).

В этот период появляются новые типы поселений, в том числе сильно укрепленные, по местным меркам, «крепости» с одним-четырьмя жили-

щами, бастионно-башенными элементами обороны и глубокими рвами — места проживания элиты таежного общества («богатыри», «шаманы», их домочадцы, воины-«дружинники»), обширные неукрепленные селища-«посады» вокруг таких «городков» рядового населения, «однодворные» зимние селища экономически самостоятельных большесемейных общин. Производство более качественных рубящих металлических орудий стимулировало массовое строитель-

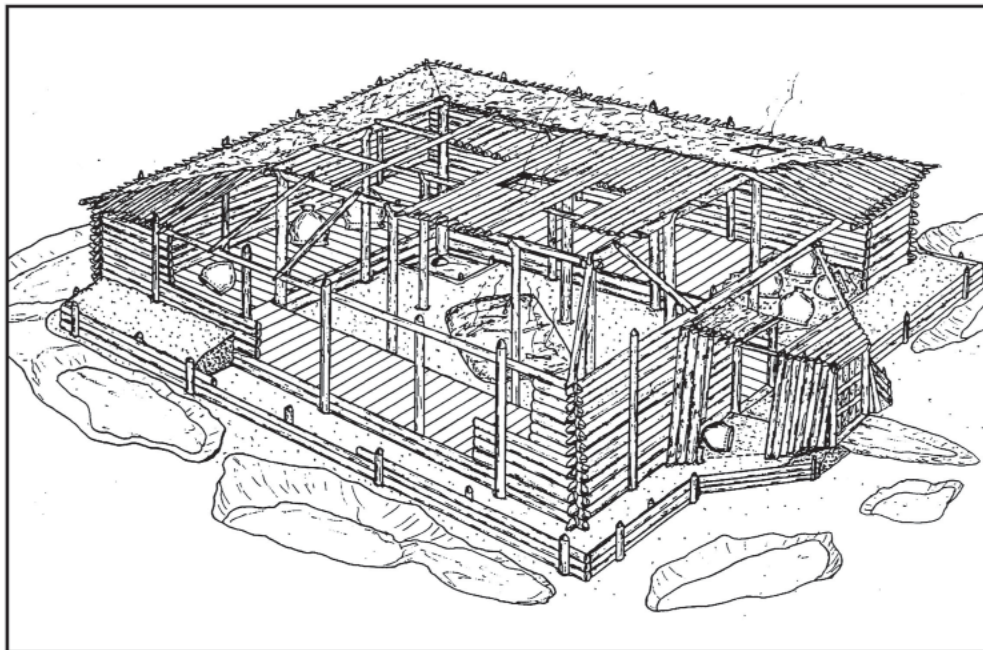


Рис. 9. Селище Барсова Гора III/36, жилище № 6. Сургутское Приобье, р. Обь, протоки Утопляя и Микишкина. Вторая половина раннего железного века (сургутский вариант кулайской культурно-исторической общности). Раскопки и реконструкция В. А. Борзунова 2001 г.

Fig. 9. The settlement of Barsova Gora III/36, dwelling 6. Surgut Current of the Ob' River Basin, Ob' River, the ducts of Utoplaya and Mikishkina. The second half of the Early Iron Age (the Surgut variant of the Kulaika cultural-historical community). Excavations and reconstruction of V.A. Borzunov, 2001.

ство каркасно-столбовых и бревенчатых жилых построек.

К графически реконструированным объектам этого периода относятся собирательный образ каркасно-столбового жилища, выполненный в том числе на основании остатков двух больших (около 19×23–25 и 20×26 м) наземных кулайских жилищ Моховая 20 и 25, открытых на одноименной реке в Сургутском Приобье (Борзунов, 1999, рис. 8; 9: А) (рис. 8).

Вариант срубного наземного жилища восстановлен на основании раскопок кулайского объекта № 6 селища Барсова Гора III/36. В процессе раскопок расчищены остатки хорошо сохранившегося основания сгорев-

ших бревенчатых стен прямоугольной (8×7 м) постройки, а также настила узких (0,9 м) дерево-земляных нар. В разных местах около стен на данном настиле стояли вверх днищами *insitu* глиняные сосуды диаметром около 40 см. Последнее подтверждает, что стены дома были вертикальными, а не наклонными. В центре помещения находился очаг, в углу около входа – бронзолитейный комплекс (рис. 9).

Основания кулайских построек обоих типов были окружены песчаными завалинками шириной 1 м, а также внешними дренажными канавками (Моховая 20, 25) либо ямами (Барсова Гора III/36).



Рис. 10. Традиционная «деревянная юрта» в хантыйском однодворном селении. ЯНАО, Пуровский район, 25–30 км к ЗСЗ г. Муравленко, верховья р. Пякупур, р. Нюдя–Котутаяхата. Фото автора 1997 г.

Fig. 10. Traditional “wooden yurta” in the Khanty “single-village” village. Yamalo-Nenets Autonomous District, Purovsky District, 25–30 km to west-northwest from the Muravlenko Town, upper reaches of the Pjakupur River, Nyudya-Kotutayahata River. Photo by the author, 1997.

В Нарымском Приобье, по данным Л.А. Чиндиной, кулайские постройки 54 и 10А саровского этапа поселения Малгет 6 представляли собой «полу-наземные сооружения» со срубными стенами, установленными вплотную к стенкам прямоугольного песчаного котлована глубиной около 25 см. Бревна стен были «забраны в паз» и дополнительно прижаты вертикальными столбами. Котлованы построек на саровских городищах были еще глубже – до 70 см. Крыши двускатные, с углом наклона 30–45°, покрыты дерном. Выходы у жилищ крытые коридорообразные (1984, с. 44–47, рис. 6) (рис. 6: 3, 3а, 4, 4а). Свое сомнение о помещении срубов в котлованы я высказал выше.

Краткий анализ и его итоги.

От каменного века до конца раннего железного прослеживается тен-

денция постепенного «выхода на поверхность» стационарных жилищ западносибирской тайги.

В неолите и энеолите (VI – третья четверть III тыс. до н. э.) в таежном Приобье преобладали землянки и полужемлянки с глубокими котлованами (0,7–2 м), обшитыми деревом, без стен и с четырехскатными перекрытиями (с наклоном около 30°), установленными на вертикальных столбах. Такие сооружения, покрытые жердями, корой, полотнищами бересты и грунтом, снаружи выглядели как невысокие земляные холмы.

В первой половине бронзового века котлованы жилых построек стали мельче (0,3–0,6 м), а наземная часть, сооруженная из бревен и жердей, приобрела вид усеченной пирамиды. Стены построек были наклонными под углом до 45°, перекрытия невысокие

двухскатные либо четырехскатные. Наряду с постройками стандартных размеров (20–90 м²) появились большие «укрепленные жилища» площадью от 130 до 580 м², окруженные рвами.

В конце бронзового – начале железного века основными типами жилищ были наземные объекты площадью от 30 до 70 м², высотой 2–2,5 м, с мелким (0,2–0,3 м) котлованом или вообще без такового. Наряду с постройками каркасно-столбовой конструкции, имевшими стены из жердей и плах с наклоном до 70°, получили распространение дома с вертикальными бревенчатыми стенами, укрепленными столбами. Укрепленные жилища со рвами этого периода имели площади от 200 до 650 м².

В финале бронзового века фиксируются первые бесспорные постройки срубной конструкции с двойной линией стен и песчаной забутовкой в основании. Каркас перекрытия таких домов опирался на стены и установленные внутри помещения столбы. Следует подчеркнуть, что представленный вариант срубов с выпуском концов бревен (рис. 3, 5, 9) весьма условен. Концы бревен могли затесываться для крепления «в лапу» или иным образом.

У всех каркасно-столбовых, бревенчато-столбовых и срубных жилищ котлованы занимали только основную часть помещения, но не всю площадь

дома. Основание стен (и перекрытий жилищ неолита и энеолита) находилось на небольшом удалении от котлована и было окружено песчаной завалинкой, к которой примыкала цепочка ям и канав для забора грунта и дренажа.

В качестве нар обычно использовалась возвышенная часть по окружности котлована, покрытая деревом. В других случаях невысокие нары, сконструированные из бревен и жердей, размещались в самом котловане, вдоль его стен. Полы круглогодичных и зимних жилищ были ровные, горизонтальные, большей частью покрытые деревом. В центре помещения под свето-дымовым отверстием в крыше находился очаг. В больших домах кострищ было больше.

Судя по находкам остатков камнеобработки и литейного производства, жилые помещения использовались также в качестве производственных.

Некоторые исследователи предполагают наличие на поселениях раннего железного века Нарымского Приобья «полуподземных построек», равных по площади котловану. Каркасno-столбовые постройки такого типа – явно плод фантазии археологов. Срубные полуземлянки с вертикальными бревенчатыми стенами, опущенными в котлован, могли быть локальным явлением, прообразом поздних жилищ обских угров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзунов В.А. Генезис и развитие гамаюнской культуры // СА. 1990. № 1. С. 15–33.
2. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 189 с.
3. Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4. С. 5–23.

4. *Борзунов В.А.* Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Отв. ред.: Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
5. *Борзунов В.А., Липский В.И.* Туманские укрепленные поселения-жилища // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред.: В.Е. Стоянов. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 90–105.
6. *Борзунов В.А., Чемякин Ю.П.* Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры / Отв. ред.: В.И. Стефанов, Е.В. Перевалова. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 68–108.
7. *Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., Фефилова Л.А.* Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 5 / Отв. ред.: А.Я. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 84–107.
8. *Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
9. *Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). Сургут: Изд-во СурГУ, 1997. 72 с.
10. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994а. 490 с.
11. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. 286 с.
12. *Патканов С.К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1891. 74 с.
13. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
14. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
15. *Шатилов М.Б.* Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Т. IV. Томск: Красное знамя, 1931. 175 с.

Информация об авторе:

Борзунов Виктор Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); victor.borzunov@mail.ru

VARIANTS OF RECONSTRUCTION OF STATIONARY DWELLINGS OF END OF BRONZE AGE – BEGINNING OF THE IRON AGE IN THE WESTERN SIBERIAN TAIGA

V.A. Borzunov

The article presents variants of graphic reconstructions of stationary tree-earth dwellings constructed by fishermen and hunters of the West Siberian taiga at the end of the Bronze Age – the Early Iron Age (12th century BC – III century AD). During this period, ground constructions of a frame-column structure with a ground part in the form of a truncated pyramid, with inclined walls of poles and thin logs, and with a shallow (0,2–0,4 m) rectangular pit that occupied the main part of the building continued to be built. The base of the walls of

The work was carried out within the framework of the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Theme № 33.7280.2017 / The basic part: "Ural and Western Siberia in antiquity".

the dwelling was not installed in a sand pit, trimmed with wood, but on a small (0,8–1,5 m) distance from it. At the same time, similar structures appeared without foundation pit, dwellings with vertical log walls, fortified pillars, and houses with walls of a log structure. Each building was surrounded by a sandy mound of earth ("zavalinka") and drainage pits-ditches. Ordinary dwellings had an area of 30–70 m², and their height from the floor did not exceed 2,5 m. Large (200–650 m²) single timbered "fortified dwellings" were protected by ditches and sometimes – defensive walls. Small semi-dugouts were used mainly as economic objects, extremely rarely – as industrial and residential premises.

Keywords: archaeology, Western Siberia, taiga, end of the Bronze Age, Early Iron Age, dwellings, reconstruction.

REFERENCES

1. Borzunov, V. A. 1990. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archeology)* (1), 15–33 (in Russian).
2. Borzunov, V. A. 1992. *Zaural'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (gamayunskaya kul'tura) (Trans-Urals between the Bronze and Iron Ages (Gamayun culture))*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).
3. Borzunov, V. A. 1999. *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archeology)* (4), 5–23 (in Russian).
4. Borzunov, V. A. 2014. In Vizgalov, G. P., Kardash, O. V. (eds.). *Problemy sokhraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya: istoriya, metody i problemy arkheologicheskikh issledovaniy (Problems of preservation and use of cultural heritage: history, methods and problems of archaeological research)*. Ekaterinburg: "Magellan" Publ., 212–245 (in Russian).
5. Borzunov, V. A., Lipsky, V. I. 1984. In Stoyanov, V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 90–105 (in Russian).
6. Borzunov, V. A., Chemyakin, Yu. P. 2006. In Stefanov, V. I., Perevalova, E. V. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Yugry (Archaeological Heritage of Yugra)*. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: "Charoid" Publ., 68–108 (in Russian).
7. Borzunov, V. A., Chemyakin, Yu. P., Fefilova, L. A. 2007. In Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (5). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 84–107 (in Russian).
8. Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area between the Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Morozov, V. M., Chemyakin, Yu. P. 1997. *Drevnee poselenie v bassejne r. Pim (kratkiy arkheologicheskiy ocherk). (Ancient Settlement in the Pym River Basin (Brief Archaeological Essay))*. Surgut: Surgut State University (in Russian).
10. Lukina, N. V. (ed.). 1994. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Poseleniya i zhilishcha (Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Settlements and Dwellings)* 1 (I). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
11. In Lukina N.V. (ed.). 1994. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Poseleniya i zhilishha. (Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. Settlements and Dwellings)* 1 (II). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
12. Patkanov, S. K. 1891. *Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam (Type of Ostyak Bogatyr on the Basis of Ostyak Epic Tales and Heroic Legends)*. Saint Petersburg: "Khudekov" Publ. (in Russian).
13. Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

14. Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

15. Shatilov, M. B. 1931. In *Trudy Tomskogo krayevogo muzeya (Proceedings of the Tomsk Regional Museum)* IV. Tomsk: "Krasnoe znamya" Publ. (in Russian).

About the Author:

Borzunov Victor A. Candidate of Historical Sciences. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Lenin Av., 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation; victor.borzunov@mail.ru

Статья поступила в номер 20.04.2018 г.